Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-5-15

Процессы грамматикализации и лексикализации в системе русского глагола

Зара Иосифовна Годизова¹
Дзерасса Витальевна Габисова²

¹Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Шэньчжэнь, КНР

²Владикавказский институт управления
Владикавказ, Россия

¹godizovazi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

²dove74@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1268-5012>

Аннотация

Цель данной статьи – представить процессы грамматикализации и лексикализации, происходившие в системе русского глагола в процессе исторического развития. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена способностью теории грамматикализации представить закономерности формирования грамматических систем разных языков. В статье дается краткий обзор исследований, посвященных проблемам грамматикализации в русистике, представлено понимание этого процесса разными исследователями. В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный. Применение теории грамматикализации к глаголу в русском языке позволило выявить основные направления грамматикализации, объясняющие становление различных глагольных грамматических категорий, грамматических форм и грамматических показателей. В результате диахронического анализа глагольных категорий и форм в русском языке выявлены различные проявления грамматикализации, соответствующие общей языковой тенденции развития от конкретного к абстрактному: 1) превращение знаменательных слов в грамматические показатели (бывшая энклитическая форма возвратного местоимения *-ся* становится в качестве постфикса показателем возвратности и страдательного залога; подвергшийся фонетической редукции глагол *быти*, превратившись в частицу, становится показателем сослагательного наклонения); 2) переход одной глагольной формы в другую (причастия с суффиксом *-л*, входившие в состав аналитических форм перфекта, плюсквамперфекта, сослагательного наклонения, заняли место формы прошедшего времени во временной парадигме личных форм); 3) грамматикализация словосочетаний (сохранение преобразованной формы будущего сложного); 4) генерализация значения (грамматическая категория вида базируется на семантической категории предельности/непредельности в такой ее ипостаси, как ограниченность/неограниченность действия пределом, – универсальный признак, распространяющийся на все глаголы); 5) восполнение лакун в системе формообразования (появление случаев функционирования причастий будущего времени); 6) превращение знаменательных слов в служебные (переход деепричастий в предлоги). Выявлен и обратный грамматикализации процесс в системе глагола – лексикализация грамматической формы перфекта (и плюсквамперфекта): произошла утрата перфекта как грамматической формы, но сама двойственная временная семантика перфекта выражается краткими и полными причастиями совершенного вида, личными формами глагола совершенного и несовершенного вида при благоприятном лексическом значении глагольных форм или за счет соответствующего контекста и ситуации.

Ключевые слова

грамматикализация, лексикализация, русский глагол, грамматическая категория, грамматическая форма, грамматический показатель, генерализация значения

© Годизова З. И., Габисова Д. В., 2024

Для цитирования

Годизова З. И., Габисова Д. В. Процессы грамматикализации и лексикализации в системе русского глагола // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2. С. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-5-15

The Processes of Grammaticalization and Lexicalization in the Russian Verb System

Zara I. Godizova¹, Dzerassa V. Gabisova²

¹Shenzhen MSU-BIT University
Shenzhen, P.R. China

²Vladikavkaz Institute of Management
Vladikavkaz, Russian Federation

¹godizovazi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

²dove74@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1268-5012>

Abstract

The article presents the processes of grammaticalisation and lexicalisation that have taken place in the Russian verb system in the course of its historical development. The relevance of this problem is conditioned by the ability of grammaticalization theory to present the regularities of grammatical system formation in different languages. The article represents a brief study on the issues of grammaticalisation in Russian philology and different researchers' understanding of this process. Methods of observation, description and classification as well as structural and quantitative ones were implemented in the course of the study. The application of the theory of grammaticalisation to the Russian verb revealed the main directions of grammaticalisation that explain the formation of various verb grammatical categories, grammatical forms and grammatical indicators. Diachronic analysis of the Russian verb categories and forms showed various factors of grammaticalization corresponding to the general language trend from specific to abstract: 1) transformation of notional words into grammatical indicators (the former enclitic form of the reflexive pronoun – *sya* becomes a post-fix indicator of reflexiveness and passive voice; phonetically reduced verb *byti* becomes a particle indicator of the subjunctive mood); 2) the transition of one verb form to another (participles with suffix *-l*, which were part of the analytic forms of the Perfect, Plusquamperfect and Subjunctive Mood replaced the past tense form in the temporal paradigm of personal forms); 3) grammaticalization of collocations (preservation of the transformed form of the future compound); 4) generalisation of meaning (the grammatical category of aspect is based on the semantic category of limitedness/unlimitedness of action, a universal feature applied to all verbs); 5) filling lexical gaps in the system of form coinage (leading to appearance of future participles); 6) transformation of notional words into form words (conversion of adverbial participles into prepositions). The study has also revealed the opposite process in the verb system, that is, lexicalisation of the grammatical form of the perfect (and plusquamperfect). The loss of the perfect as a grammatical form has occurred, but the dual temporal semantics of the perfect itself is expressed by the short and long perfect participles, the personal forms of the perfect and imperfect verb with the favorable lexical meaning of the verb forms or due to the appropriate context and situation.

Key words

grammaticalisation, lexicalisation, the Russian verb, grammatical category, grammatical forms, grammatical indicators, generalization of meaning

For citation

Zara I. Godizova, Dzerassa V. Gabisova. The Processes of Grammaticalization and Lexicalization in the Russian Verb System. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-5-15

Введение

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является теория грамматикализации, выделившаяся в самостоятельное направление с 80-х гг. XX в. и позволяющая объяснить взаимодействие лексики и грамматики в процессе формирования грамматических

систем разных языков, направления их эволюции. До недавнего времени эта теория привлекала внимание лишь зарубежных лингвистов, однако в последние годы и в русистике стали появляться исследования, посвященные процессам грамматикализации [Майсак, 2005; Петрова, 2009; Яцкевич, 2010; Плунгян, 2011; Виноградова, 2016; Всеволодова, 2018; Мозоль, 2020; Новоспасская, Авагян, 2021 и др.]. Сам термин «грамматикализация» впервые был введен А. Мейе более ста лет назад [Meillet, 1912]. История развития данного направления в зарубежной лингвистике, его основные характеристики (например, типы семантических изменений, происходящие при грамматикализации) подробно рассматриваются в работах Т. А. Майсака, Н. В. Новоспасской, А. А. Авагян и др. [Майсак, 2005; Новоспасская, Авагян, 2021].

Актуальность теории грамматикализации объясняется тем, что она способствует более объективному пониманию закономерностей формирования грамматических систем разных языков, выявляя, что главным источником их грамматического формализма является именно лексика (хотя и не любая). Мы исходим из базового положения Haspelmath'a, а именно: «Природу грамматических категорий можно гораздо лучше понять с точки зрения источников, из которых они развиваются, а не конечного результата, к которому они приходят после длительного процесса грамматикализации» [1989. P. 303].

Цель и методы исследования

Цель данного исследования – представить и уточнить место грамматикализации и обратного процесса лексикализации в системе русского глагола в процессе его исторического развития.

В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный.

Споры об объеме понятия «грамматикализация»

Сам объем понятия «грамматикализация» неоднозначен, разные ученые вкладывают в него более узкий или более широкий смысл.

Т. А. Майсак определяет грамматикализацию как «процесс, в ходе которого некоторая языковая единица становится грамматической (или в большей степени грамматической)», например, если знаменательное слово приобретает какую-то грамматическую функцию (становится грамматическим показателем в качестве вспомогательного глагола, предлога/послелога, частицы, аффикса и т.п.) [Майсак, 2005].

Л. Г. Яцкевич отмечает разнообразие процессов грамматикализации и относит к ним, например, развитие агглютинации в русском языке, а также аналитизма различного типа [Яцкевич, 2010. С. 223].

Н. Е. Петрова пишет о многозначности этого термина и предлагает разные случаи его конкретизации, например, «процесс создания грамматических категорий, эволюция грамматической системы в целом», «переход знаменательного слова в грамматический показатель – служебное слово или морфему», т. е. выполнение лексической единицей грамматической функции [Петрова, 2009. С. 124]. Именно эти два направления образуют целое направление преимущественно в зарубежной лингвистике, именуемое «теорией грамматикализации». Кроме этих двух направлений, Н. Е. Петрова относит к грамматикализации, например, переход существительных в местоимения за счет расширения, абстрагирования лексического значения слова (такие существительные, как *вещь, дело* в контекстах типа: «Медицина – дело (=нечто), вызывающее интерес; Счастье – вещь (=нечто), доступная немногим» [Петрова, 2009. С. 125]. В этом случае происходит изменение лексической семантики, влекущее за собой трансформацию грамматических свойств слова. Грамматикализация имеет место и в случае изменения функ-

ций морфемы вследствие расширения ее значения в сторону более отвлеченного характера (например, приобретение деривационным суффиксом *j*, выражающим изначально собирательное значение, способности выступать грамматическим показателем числа) [Петрова, 2009. С. 128]. Н. Е. Петрова рассматривает и другие случаи грамматикализации, имеющие отношение к синтаксическому уровню [Петрова, 2009. С. 128].

Н. В. Новоспасская, А. А. Авагян понимают грамматикализацию как движение по циклу грамматичности (знаменательная единица > грамматическое слово > клитика > флективный аффикс) [Новоспасская, Авагян, 2021. С. 92]. Грамматическое слово – это служебная часть речи, клитика – слово, являющееся грамматически самостоятельным, но фонологически зависимым (например, в английском языке (*it's, I've*). Подобная схема не предполагает обязательного прохождения всех этапов на пути к грамматичности [Новоспасская, Авагян, 2021. С. 92].

Определяя признаки, свидетельствующие о процессе грамматикализации, исследователи отмечают относительность этого явления: может происходить трансформация семантики языковой единицы от более конкретной к более обобщенной; может изменяться синтагматика слова, расширяться ее сочетаемость, увеличиваться частотность функционирования; языковая единица может превращаться из лексической в грамматический показатель, однако такого кардинального изменения может и не происходить – в этом случае сохраняется знаменательный статус языковой единицы, подвергшейся грамматикализации [Майсак, 2005]. Подобное широкое понимание грамматикализации («процесс», в ходе которого нечто становится в большей степени грамматическим» [Майсак, 2005]) представляется нам предпочтительным, учитывая разные степени и виды грамматикализации.

Неоднозначным является вопрос об однонаправленности/двунаправленности процесса грамматикализации. Большинство ученых признают существование обратного грамматикализации процесса, называемого лексикализацией, деграмматикализацией [Плунгян, 2011; Майсак, 2005; Петрова, 2009; Яцкевич, 2010 и др.].

Лексикализация языковой единицы означает сужение, конкретизацию ее значения, приобретение ею денотативной отнесенности. Например, можно говорить о лексикализации местоимений, не просто указывающих на предмет, а развивающих конкретные лексические значения: *ничто* – в значении «ничтожество», *другая* – «соперница», *он* – «суженый» [Петрова, 2009. С. 128]. Другой пример лексикализации – это приобретение формой множественного числа собирательного значения («капли – “жидкое лекарство”, стихи – “поэтический текст”, рожки – “изделие из теста”» [Плунгян, 2011]. Под лексикализацией понимается и лексикализация значения в случае кодировки его лексическими средствами [Лайонз, 2003. С. 202–210].

Другое мнение представлено у Н. В. Новоспасской, А. А. Авагян, которые склонны, скорее, к признанию однонаправленного характера процесса грамматикализации, отмечая вместе с тем, что отдельные случаи лексикализации все же имеют место [Новоспасская, Авагян, 2021. С. 100].

Нам представляется более убедительным мнение о существовании обоих процессов – грамматикализации и лексикализации, хотя более активным является процесс грамматикализации, очевидно, ввиду общей тенденции языкового развития от более конкретного, индивидуального к более абстрактному, обобщенному.

Результаты и дискуссия

Рассмотрим некоторые особенности разнонаправленных процессов грамматикализации и лексикализации в системе русского глагола с тем, чтобы выявить области, где они отразились на его плане выражения.

1. Превращение знаменательных слов в грамматические показатели

Одним из направлений грамматикализации является превращение знаменательных слов в грамматические показатели, например, возвратное местоимение *себя* в энклитической форме (*ся*) стало грамматическим показателем возвратности и страдательного залога; в области грамматической категории наклонения также можно говорить о грамматикализации глагола *быти*, превратившегося в формальный показатель сослагательного наклонения (в этом случае произошла и фонологическая редукция).

Рассмотрим более подробно превращение возвратного местоимения *себя* в постфикс *-ся*. Контактное постпозитивное закрепление бывшего местоимения *-ся* связано с формированием категорий возвратности и залога, причем возвратность сформировалась раньше переходности и залога: «Древнерусский язык развивал градуальную оппозицию различных степеней возвратности, выражавших сосредоточенность действий в субъекте» [Колесов, 2005. С. 554, 565]. В. В. Колесов предлагает общую схему развития категории залога: рефлексивность – транзитивность – 3-е лицо – категория вида – категория залога [Колесов, 2005. С. 565]. «Переходность как категория синтаксическая и возвратность как категория лексико-семантическая, совместившись, создали грамматическую категорию залога...» [Колесов, 2005. С. 578]. Таким образом, «...*-ся* сначала ограничивал выражение действия состоянием (средний залог), а потом стал выражать действие, но в пассиве (страдательный залог)» [Колесов, 2005. С. 554]. Почему же возвратное местоимение преобразовалось в постфикс именно в форме 3-го лица? «Употребление возвратных глаголов было равнозначно перенесению действия с себя на «третьего лишнего», т. е. обезличивало субъекта действия» [Колесов, 2005. С. 550]), и находилось в соответствии с общей семантикой категории возвратности: «Именно агенс, мыслимый в форме третьего лица, как наиболее абстрактного, скорее всего, может быть исключен, дезактивирован при актуализации действия» [Данков, 1981. С. 66]. В страдательном залоге эта связь с 3-м лицом усиливается, так как в пассиве более важным представляется не производитель действия, а причина действия и способ его осуществления [Колесов, 2005. С. 560]. Установлено, что *-ся* присоединяется к определенным глаголам агглютинативным способом после XIV в., а в течение XVI в. этот процесс завершается [Колесов, 2005; Зализняк, 2008].

А. А. Зализняк рассматривает эволюцию энклитики *ся*, причины ее трансформации в морфему. В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик было связано с действием закона Вакернагеля, требовавшего постановки энклитики в конце первой тактовой группы фразы. Ритмико-синтаксические барьеры вызвали нарушение этого закона, вследствие чего закон Вакернагеля стал распространяться только на послебарьерную часть фразы, а начальная часть фразы перестала подвергаться его действию, и энклитики переместились вправо от начальной тактовой группы. Постепенно постпозитивное расположение энклитики стало нормой в любом контексте. Автор объясняет причины превращения *ся* в морфему только в восточнославянских языках (а не во всех славянских) силовым и свободным характером ударения в них. Прежние энклитики становятся излишни в ситуации, когда одна и та же словоформа может произноситься как с сильным, так и со слабым ударением [Зализняк, 2008. С. 263–267]. Особенно это актуально для деловых и бытовых документов, а также литературных произведений, ориентированных на живой разговорный язык. В текстах церковно-книжного характера, произносимых особо торжественно и четко, энклитики воспринимались в качестве полноценных слов с самостоятельным ударением, поэтому энклитическое местоимение *ся* редко употреблялось в препозиции [Зализняк 2008: 269].

Постпозитивное присоединение *-ся* было характерно первоначально для конфликтивных глаголов – сативных (*насладится, напится*), усилительно-интенсивных (*разгневается, разгорается*), длительно-усилительных (*домыслится, дознается*), употребляющихся преимущественно в церковно-книжных произведениях. Трансформировавшееся в постфикс местоимение *ся* создавало в этих глаголах значение сосредоточенности действия в сфере субъек-

та, поглощенности субъекта действием [Годизова, 2018. С. 104]. Н.П. Некрасов писал по этому поводу: «Вообще наш язык смело приставляет *-ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [Некрасов, 1865. С. 80–81].

2. Переход одной глагольной формы в другую

Другое направление грамматикализации – переход одной глагольной формы в другую. Например, в результате преобразования разветвленной временной системы глагола утратились формы аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта, а бывшие причастия с суффиксом *-л* заняли место прошедшего времени во временной парадигме личных форм глагола. Очевидно, что такое упрощение временной системы происходило в связи с формированием грамматической категории вида, перетянувшей на себя функцию выражения характера протекания действия во времени, в связи с чем аорист и имперфект стали излишни. Вместе с тем утратились специальные грамматические формы, выражающие двойственную (перфектную и плюсквамперфектную) временную семантику. Перфектное значение стало выражаться причастными и личными формами глагола при благоприятном лексическом значении глагола или наличии соответствующего контекста. Остатки плюсквамперфекта сохранились в конструкциях типа: *Я хотел было что-то сказать, но передумал.*

3. Грамматикализация словосочетаний

Еще одно направление грамматикализации в системе глагола – это грамматикализация словосочетаний. Во временной системе русского глагола сохранилась составная форма будущего времени. Произошла трансформация двух форм будущего сложного, в результате чего будущее сложное 1 утратилось, а будущее сложное 2 преобразилось – вспомогательный глагол *быти* стал сочетаться с инфинитивом, а не с причастием на *-л*, занявшим место формы прошедшего времени во временной парадигме. Почему же сохранилась преобразованная форма будущего сложного? Очевидно, это связано с ее маркированностью – она четко выражала семантику будущего времени, между тем форма простого будущего была неопределенной – в разных контекстах она выражала значение то настоящего, то будущего времени. После того как окончательно сформировалась категория вида, эта форма в совершенном виде стала обозначать будущее простое, но вместе с тем в современном русском языке она склонна употребляться в значении настоящего неактуального в определенных условиях контекста, например:

(1) «Потом *отведет* глаза, потом *опять посмотрит* и вдруг стал мне улыбаться. Я повернулся и ушел. – Друг мой, это что-то шиллеровское!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

(2) «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых *вдруг поразит* какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно *придавит* их собою, иногда даже навеки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

4. Генерализация значения

Ярким примером преобразования лексического в грамматическое является становление категории вида, которая и в настоящее время остается грамматической категорией, в наибольшей степени связанной с лексическим уровнем, поскольку базируется на семантической категории предельности/непредельности. Грамматическая категория вида и семантическая категория предельности/непредельности оказали друг на друга большое воздействие – любое действие

в русском языке представлено как ограниченное или не ограниченное пределом. Вместе с тем категория вида разделила предельные глаголы на две разновидности – с реальным (в совершенном виде) и потенциальным (в несовершенном виде) пределом. Таким образом, глаголы несовершенного вида предстают в двух вариантах – либо как лишенные направленности к пределу, либо содержащие в себе потенциальный предел.

5. Восполнение лакун в системе формообразования

Восполнение лакун в системе формообразования можно проиллюстрировать на примере причастий будущего времени (типа *придущий, увидящий, проишумящий, найдущий, поймущий, пожелавший, принесущий*). Некоторые ученые [например, Гловинская, 2010 и др.] утверждают, что причастия будущего времени стали активнее употребляться в языке последних десятилетий, однако наши наблюдения над данными Национального корпуса русского языка не подтверждают этого утверждения. Причастия будущего времени активнее употреблялись в произведениях XIX в., в настоящее время частотность их функционирования, скорее, уменьшилась. Этот вопрос требует более тщательного исследования. Возможно, что на фоне четкой временной оппозиции в системе личных форм ущербная временная парадигма причастий и будет восполнена под давлением системы языка. Однако сама специфика категориального значения причастий – обозначение признака как уже данного в его носителе – может препятствовать этому.

6. Превращение знаменательных слов в служебные

Наконец, еще одно направление грамматикализации – превращение знаменательных слов в служебные, например, деепричастия могут функционировать в качестве предлогов, выражая падежные грамматические значения. В этом случае деепричастия утрачивают семантику действия и выражают лишь двустороннюю связь между управляющим и управляемым словами, как и все предлоги. Например:

(3) «Но эта счастливая и завидная карьера внезапно оборвалась *благодаря* нелепому и глупому случаю» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>).

(4) «Несколько рыбацких баркасов заблудилось в море, а два и совсем не вернулись: только *спустя* неделю повыбрасывало трупы рыбаков в разных местах берега» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>).

7. Эволюция перфекта в русском языке

В качестве примера лексикализации в системе русского глагола можно привести судьбу перфекта, который утратился в качестве грамматической формы, но остался на уровне лексического значения, выражающегося разнообразными языковыми средствами: краткими и полными страдательными причастиями совершенного вида, личными формами глагола совершенного и несовершенного вида в определенных условиях контекста или при наличии лексического значения, располагающего к выражению двойственной временной семантики. Например:

(5) «И вот приют *открыт*, освящен, все готово – и ни одного воспитанника, ни одной воспитанницы!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>).

(6) «На пятый день добрый друг, музыкант Панков, влюбленный – все это знали – в младшую из Синельниковых, в лукавоглазую Любу, пришел к нему и в качестве строго доверенного лица принес *запечатанную* записочку от Юлии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>).

(7) «Она все знает, ну просто все на свете, про что ни спросишь. Правда, *постарела* она теперь. – Значит, она много *видела* на своем веку?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>).

В. А. Плунгян отмечает эволюционную (или диахроническую) нестабильность перфекта, считая ее наиболее яркой и универсальной чертой перфекта в разных языках; он предлагает также характерную модель его развития «от результатива к перфекту и далее к (перфективно-му или нейтральному) претериту, сохраняющему и результативные употребления» [Плунгян, 2016. С. 23]. Очевидно, такая нестабильность обусловлена двойственной временной семантикой перфекта, что предполагает некоторую неопределенность на уровне контекстуальной прагматики – колебания между действием и состоянием, явившемся результатом этого действия. В этом отношении перфект можно сравнить с причастиями, которые, будучи переходной между глаголом и прилагательным формой, склонны к значительным изменениям в процессе исторического развития.

Выводы

Таким образом, применение теории грамматикализации к глаголу в русском языке способствует пониманию закономерностей формирования различных глагольных грамматических категорий, грамматических форм и грамматических показателей. В системе русского глагола можно обнаружить различные проявления грамматикализации, соответствующие общей языковой тенденции развития от конкретного к абстрактному. Эти процессы грамматикализации осуществлялись различными путями: 1) превращение знаменательных слов в грамматические показатели (энклитическая форма возвратного местоимения *-ся* превратилась в постфикс, став показателем возвратности и страдательного залога; глагол *быти*, подвергшийся фонетической редукции, стал показателем сослагательного наклонения); 2) переход одной глагольной формы в другую (причастия на *-л* заняли место формы прошедшего времени во временной парадигме личных форм); 3) грамматикализация словосочетаний (сохранение преобразованной формы будущего сложного); 4) генерализация значения (в грамматической категории вида семантика предельности/непредельности приобрела статус грамматического значения в виде ограниченности/неограниченности действия пределом, распространяющегося на все глаголы вне зависимости от видовой дефективности); 5) восполнение лакун в системе формообразования (появление случаев функционирования причастий будущего времени); 6) превращение знаменательных слов в служебные (переход деепричастий в предлоги).

Вместе с тем в системе русского глагола имеются и случаи лексикализации, например, эволюция перфекта от грамматической формы к лексическому значению, выраженному причастными и личными формами глагола при благоприятном лексическом значении или за счет соответствующего контекста и ситуации.

Список литературы

- Виноградова Е. Н.** Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на примере соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
- Всеволодова М. В.** Некоторые проблемы современной русской грамматики и категории грамматикализации // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2018. № 5. С. 194–228.
- Гловинская М. Я.** Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: система – норма – узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 171–199.
- Годизова З. И., Галазов Э. Ю.** Системно-функциональные взаимосвязи грамматических категорий числа и рода с другими глагольными грамматическими категориями // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. №3. С. 35–46.

- Годизова З. И.** Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. 346 с.
- Данков В. Н.** Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М.: Высшая школа, 1981. 112 с.
- Зализняк А. А.** Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008. 280 с.
- Князев Ю. П.** Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Колесов В. В.** История русского языка. СПб.: Академия, 2005. С. 374–606.
- Лайонз Дж.** Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. 397 с.
- Майсак Т. А.** Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
- Маслов Ю. С.** Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недеялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
- Мозоль Т. С.** Грамматикализация в корейском языке лексических единиц английского языка (на примере неологизмов) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 8 (837). С. 68–79.
- Некрасов Н. П.** О значении форм русского глагола. СПб.: В типографии и литографии И. Пальсона и К, 1865. 313 с.
- Новоспасская Н. В., Авагян А. А.** Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 89–104.
- Петрова Н. Е.** Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка. Нижний Новгород: Ю. А. Николаев, 2009. 338 с.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Плунгян В. А.** К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 2. С. 7–36.
- Яцкевич Л. Г.** Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации. Вологда: ВГПУ, 2010. 280 с.
- Haspelmath M.** From purposive to infinitive: a universal path of grammaticization // Folia Linguistica Historica, 1989. No 10 (1–2). Pp. 287–310.
- Meillet A.** L'évolution des formes grammaticales // Scientia, 1912. No 12 (26). Pp. 384–400. [Reprinted in: Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. Paris, 1965].

Список источников

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 25.03.2024, 26.03.2024).

References

- Vinogradova E. N.** Grammaticalization in the Russian language: from the noun form to the preposition (on the material of somatisms). *Voprosy yazykoznaniiya*, 2016, no. 1, pp. 25–50. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V.** Some Challenges of Modern Russian Grammar and Grammaticalization Theory. *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*, 2018, no. 5, pp. 194–228. (in Russ.)
- Glovinskaya M. Ya.** Potential verb forms. In: *Modern Russian language: system – norm – usus*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010, pp. 171–199. (in Russ.)

- Godizova Z. I., Galazov E. Yu.** Systemic-functional Relations of Grammatical Categories of Number and Gender with other Verbal Grammatical Categories. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no 3, pp. 35–46. (in Russ.)
- Godizova Z. I.** Formation of the semantic category of intensity in the Russian language of the 11–17th centuries. Vladikavkaz, SOGU publ., 2018, 346 p. (in Russ.)
- Dankov V. N.** Historical grammar of the Russian language. Expression of voice relations in the verb. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1981, 112 p. (in Russ.)
- Zaliznyak A. A.** Old Russian Enclitics. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2008, 280 p. (in Russ.)
- Knyazev Yu. P.** Grammatical semantics: the Russian language in typological perspective. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2007, 704 p. (in Russ.)
- Kolesov V. V.** History of the Russian language. Saint-Petersburg, Akademiya publ., 2005, pp. 374–606. (in Russ.)
- Lajonz Dzh.** Linguistic semantics. Introduction. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2003, 397 p. (in Russ.)
- Majsak T. A.** Typology of grammaticalisation of constructions with verbs of motion and verbs of position. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2005, 480 p. (in Russ.)
- Maslov Yu. S.** Statal perfect, perfect and verbal aspect. In: *Typology of resultative constructions (statal perfect, stative, passive, perfect)*. Leningrad, Nauka publ., 1983, pp. 41–54. (in Russ.)
- Mozol' T. S.** Grammaticalization of English Lexemes in Korean Neologisms. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2020, no. 8 (837), pp. 68–79. (in Russ.)
- Nekrasov N. P.** On the meaning of the Russian verb forms. Saint-Petersburg, V tipografii i litografii I. Paul'sona i K, 1865, 313 p. (in Russ.)
- Novospasskaya N. V., Avagyan A. A.** The Unidirectionality of Grammaticalization in Modern Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 89–104. (in Russ.)
- Petrova N. E.** Grammaticalization of the internal form of a word as a nominative resource of the language. Nizhny Novgorod, Yu. A. Nikolaevrus, 2009, 338 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Introduction to the Grammar Semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of world languages. Moscow, Russian State Humanitarian University publ., 2011, 672 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Towards a typology of the perfect in the world's languages: preface. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 7–36. (in Russ.)
- Yackevich L. G.** Russian form formation. Processes of degrammaticalisation and grammaticalisation. Vologda, VGPU publ., 2010, 280 p. (in Russ.)
- Haspelmath M.** From purposive to infinitive: a universal path of grammaticization. *Folia Linguistica Historica*, 1989, no. 10 (1–2), pp. 287–310. (in Eng.)
- Meillet A.** L'évolution des formes grammaticales. *Scientia*, 1912, no. 12 (26), pp. 384–400. [Reprinted in: Meillet A. *Linguistique historique et linguistique generale*. Paris, 1965]. (in French)

List of Sources

The National Corpus of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 25.03.2024, 26.03.2024).

Информация об авторах

Годизова Зара Иосифовна, доктор филологических наук, доцент, профессор Центра русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, КНР

Габисова Дзерасса Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, информационных технологий и гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Information about the Authors

Zara I. Godizova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

Dzerassa V. Gabisova, Candidate of Philology, Associate Prof. of the Department of Management, IT and Humanities, Vladikavkaz Institute of Management

*Статья поступила в редакцию 11.04.2024;
одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 26.06.2024*

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 26.06.2024*